

«Многоликий» Михаил Плетнев продирижировал Российским национальным оркестром, исполнившим его собственное сочинение.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Сам себе дирижер

Михаил Плетнев дирижировал собственным сочинением

независимая 2002-22 окт. - с. 8

Михаил Фихтенгольц

Михаил Плетнев — один из тех музыкантов, к которым подходит определение «многоликий»: не стремясь ни в коей мере продемонстрировать свои многочисленные таланты публике, Плетнев тихо и незаметно расширяет в общественном сознании представление о собственной персоне. Так, последнее десятилетие мы чаще лицезрели Плетнева-дирижера, нежели Плетнева-пианиста, а минувшим воскресеньем Михаил Васильевич выступил в двойном амплуа — дирижера и композитора. Его собственное сочинение под названием «Каприччио» было исполнено Российским национальным оркестром и пианистом Николаем Луганским.

Рискну предположить, что слава Плетнева как композито-

ра никогда не перекроет впечатления от других его талантов. В «Каприччио», да и в нескольких других опусах, которые приходилось слышать ранее, обнаруживает себя тонкая и рационально-сухая игра ума, которая никогда не превалирует в фортепианных экзерсисах Плетнева, а здесь, когда по инерции ждешь привычной строгой и одухотворенной красоты образа, так и вообще — отторгает. Зато «Каприччио» дает полное представление о личных музыкальных пристрастиях маэстро — сидишь будто в обнимку с учебником по истории музыки и подмечаешь знакомые интонации. Начинается все с тусклого соло фагота — прямая отсылка к Чайковскому (первые такты Второй или Шестой симфоний Чайковского — кому какая больше по душе), затем, ближе к сонатной разра-

ботке, на сцену вихрем врывается гремющий медью полонез (тут явно воспоминания о «Евгении Онегине»), а перед этим ненароком — прямо-таки настоящий пуантилизм в партии солиста (уж не Веберн ли тому виной?...). Николай Луганский, судя по всему, явился для автора идеальным проводником его идей, ибо игра пианиста — стопроцентно профессиональная, выверенная в деталях, но при этом без явного индивидуального почерка — идеально подходит к стилю Плетнева-композитора, прячущегося за ворохом аллюзий и неявных цитат.

Гораздо более близким и узнаваемым Плетнев предстал, как ни странно, абстрагировавшись от собственной музыки, — пропала столь бросающаяся в глаза флегма и «ученость», и маэстро, оставшись наедине со Второй

симфонией Сибелиуса, растворился в ее эпическом величии и красоте нордического гештальта. Оркестр всеми силами старался ему соответствовать, временами демонстрируя блестящую, изощренную тембровую звукопись (чего стоили соло медных духовых во второй части!), но иногда, утерев внимание, обижая слух обидными пометками струнных (несфокусированный звук у первых скрипок и несинхронные вступления всей группы струнных — бич последних двух сезонов в РНО). В целом же Вторая симфония оказалась одним из самых достойных творений Плетнева-дирижера — которому, однако, предстоит выдержать сравнение с интерпретацией Владимира Ашкенази и лондонского оркестра The Philharmonia, которые сегодня будут играть в консерватории.